

Директор Юй подписала дисциплинарный лист и наконец отпустила их. Едва выйдя из учебной части, Фэн Чжоу шумно выдохнул, и лишь теперь почувствовал, как по лбу струится холодный пот.

Юй Шаочунь скрестил руки на груди и с усмешкой посмотрел на него:

— Надо же, трусишка, а туда же — корчить из себя супергероя и бросаться на защиту справедливости?

Камень, так долго давивший Фэн Чжоу на грудь, наконец-то скатился. Он облегченно перевел дух и поднял глаза на Юй Шаочуня:

— В этой истории мы замешаны вдвоем. С какой стати ты должен отдуваться один?

— И не побоялся, что вышвырнут? — Юй Шаочунь вдруг придвинулся ближе. — А ты хорош, отличник Фэн. И кто тут заливал, что он законченный эгоист? По мне, так ты чистой воды альтруист.

Он панибратски закинул руку на плечо Фэн Чжоу:

— С этого дня мы с тобой — братья по крови. Вернемся в класс — совершим ритуал, и отныне...

— Еще чего, больно мне надо быть твоим братом.

Звонок с утренней самоподготовки прозвенел пару минут назад, и коридоры уже вовсю гудели: школьники бегали, болтали и толпились у питьевых фонтанчиков. И только у второго класса дверь была плотно закрыта, а внутри царила гробовая тишина. Юй Шаочунь осторожно потянул за ручку, и в ту же секунду десятки пар глаз синхронно уставились на него.

Юй Шаочунь даже отпрянул от неожиданности:

— Вы чего это?

Тай Мэй с покрасневшими глазами медленно поднялся со своего места. Сжимая в руке белый носовой платок, он картинно взмахнул им в воздухе и семенящими шажками бросился к Юй Шаочуню. Уткнувшись ему в плечо, он безутешно зарыдал:

— Брат Юй... нет, божественный Юй! Твое и отличника Фэна благодеяние мы до гробовой... нет, век не забудем! Мы — плоть от плоти второго класса, и даже если вас выгонят, ваш мятежный дух навеки останется с нами!

Юй Шаочуня передернуло, словно от удара током, и он поспешил отпихнуть парня. Оглядевшись, он заметил, что у остальных одноклассников лица тоже кислые — будто на них вот-вот рухнет небо. Он слегка потряс Тай Мэя за плечо:

— Ты что вообще несешь?

Фэн Чжоу подал голос из-за его спины:

— Вы что... серьезно решили, что нас исключили?

Тай Мэй захлопал мокрыми ресницами и, закусив губу, уныло кивнул:

— А разве нет?

— Сделайте милость, — Юй Шаочунь со стоном потер виски. — Никто нас не выгонял. Ну всё, не реви, пустяки какие.

Тай Мэй мертвой хваткой вцепился в его рукав:

— Правда?

— Да чистая правда, клянусь! — Юй Шаочунь поморщился. — Кто, если не мы, принесет школе звание лучших на едином госэкзамене в городе D?

Ли Гохао от избытка чувств со всей дури грохнул кулаком по парте, отчего его сосед в испуге отпрянул:

— Божественный Юй! Простите меня с отличником Фэном! Я струсил, не заступился за вас сразу... Я... я...

Договорить он не смог — глаза предательски заблестели.

— Ладно вам, не радуйтесь раньше времени, — Юй Шаочунь поднялся на кафедру и жестом попросил тишины. — Мы-то уцелели, но только потому, что наш отличник Фэн заключил с завучем сделку. Через пару дней устроят совместную контрольную по математике для первого и нашего классов. И наши оценки не должны быть ниже, чем у них. Справимся?

Фэн Чжоу, чьи заслуги так внезапно превознесли, все еще неловко топтался у двери. Он растерянно кашлянул:

— Если за эти дни, пока будете спешно зубрить, наткнетесь на сложные задачи... можете

спросить меня...

Его тихий голос потонул в оглушительном реве.

— Отличник Фэн — мой супергерой! — взревел Ли Гохао и первым рванул с места, чтобы сгрести Фэн Чжоу в медвежьи объятия.

Ребята из второго класса, празднуя победу, принялись скакать и вопить вокруг них. Оказавшись в самом центре этой шумной толпы, Фэн Чжоу, к собственному удивлению, не почувствовал привычной паники от чужого внимания. Напротив, в груди у него разлилось тихое, теплое чувство гордости.

«Неужели это и есть та самая командная гордость?»

За все годы учебы он никогда не сближался с одноклассниками. Всегда выбирал последнюю парту, избегал групповых проектов и совместной работы, существуя как далекая, холодная звезда, оторванная от общего созвездия.

Но теперь все изменилось. Он заступился за ребят перед учителем, нарушил школьные правила, пошел против системы...

Почему?

Он перевел взгляд на стоявшего у доски Юй Шаочуня, который все так же лениво, словно у него не было костей, прислонился к стене. Фэн Чжоу впервые поймал себя на мысли: есть люди, рожденные вести за собой, способные зажечь огонь в ком угодно и всегда оставаться в центре внимания.

Заметив его взгляд, Юй Шаочунь слегка повернул голову и крикнул через толпу:

— Отличник Фэн, у меня туго с сочинениями! Напишешь за меня объяснительную, а? Выручай!

Фэн Чжоу молча отвел взгляд. Мысленные комплименты, которые он только что расточал этому парню, решено было похоронить глубоко в недрах сознания.

Горбатого могила исправит. Наглец остался наглецом.

Скандал разгорелся нешуточный. Новость не просто разлетелась по школьным чатам в QQ, но и попала в Weibo, где её перепостили крупные городские паблики. Школьное руководство в панике принялось заминать дело и тереть посты. После «дружеской беседы» директора учебной части с Юй Шаочунем стороны пришли к компромиссу: администрация не станет преследовать парней и больше не будет делать вид, будто не замечает гнусных выходок

учительницы Ло Цюде. Но за шумиху в сети виновникам все же пришлось заплатить свою цену.

Завуч по воспитательной работе постучал по микрофону:

— Внимание, учащиеся! Сегодня вместо утренней гимнастики мы разберем одно происшествие. Возможно, вчера вы видели в сети публикации касательно недопустимого поведения одного из наших преподавателей. Руководство школы провело экстренное расследование, факты подтвердились, и данный учитель временно отстранен от работы. Однако, поскольку авторы жалобы выбрали излишне радикальный путь решения проблемы, чем нанесли урон репутации школы, двое причастных учеников получили дисциплинарные взыскания. Сейчас они выступят перед вами с публичным покаянием.

Завуч отошел в сторону. Юй Шаочунь, засунув руки в карманы брюк, ленивой, вызывающей походкой поднялся на трибуну у флагштока. Всем своим видом он демонстрировал крайнюю степень несогласия с происходящим. Словно рок-звезда на стадионе, он вальяжно помахал беснующейся толпе внизу, а затем достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги. Развернув его, он придвинулся к микрофону:

— Дорогие друзья! В эти драгоценные минуты, когда вы должны были увлеченно выполнять третий комплекс утренней гимнастики, вам приходится тратить время на то, чтобы выслушать исповедь величайшего грешника этой школы. То есть меня.

Он выдержал драматическую паузу, ухмыльнулся и продолжил:

— Поначалу я искренне полагал, что абсолютно прав. Пусть я и не вершил божий суд, но уж точно бескорыстно помогал ближним. За что же меня карать? Но потом я вспомнил слова Аристотеля: «Величайшие преступления совершаются не из-за недостатка необходимого, а из-за стремления к избытку». И я задумался. Моя дерзость действительно огорчила администрацию. Выбери я иной, более цивилизованный способ сорвать покровы, возможно, мне не пришлось бы сейчас отнимать у вас драгоценное время...

Все свои семнадцать лет Фэн Чжоу был образцовым мальчиком. Он никогда не ввязывался в неприятности, но если уж вляпался, то сразу по уши — докатился до публичного позора перед всей школой. Стоя за трибуной, он пропускал мимо ушей пафосную клоунату Юй Шаочуня. Судорожно сжимая уголок своей объяснительной, он мысленно умолял себя:

«Я спокоен. Я не волнуюсь. Всё хорошо, я...»

Опустив взгляд на лист бумаги, Фэн Чжоу обомлел — перед глазами расплывалось девственно-белое пятно. Он в панике зажмурился, моргнул, и буквы наконец вернулись на свои места.

В голове некстати всплыл старый анекдот о парне, который так отчаянно твердил себе перед выходом на сцену «не бойся», что первой его фразой в микрофон стало: «Здравствуйте, меня зовут Небойся».

Черт, ну почему именно сейчас мозг подсовывает этот бред? От этого пульс забился еще чаще.

Фэн Чжоу и сам не понимал, почему он так уверенно выступает у доски, легко указывает учителям на ошибки в формулах и алгоритмах, но цепенеет от одной мысли о том, чтобы произнести речь, не связанную с законами физики и математики.

—... Я глубоко осознал, — вещал тем временем Юй Шаочунь, — что примерный ученик ни при каких обстоятельствах не должен порочить честное имя своей школы. Цветет школа — процветаю и я. А если зачахнет она... ну, тут уж как фишка ляжет.

Юй Шаочунь декламировал текст с невероятным выражением, то и дело пускаясь в уморительные импровизации. Голос его при этом звучал настолько проникновенно, будто он действительно раскаивался до глубины души:

— Небо над нашей школой — самое синее, трава на стадионе — самая зеленая, преподаватели — святые люди, а девиз школы навеки выжжен в моем сердце. История учит нас: крылья свободы можно связать, но дух сломить невозможно. О борцы за свободу, пусть мой горький опыт послужит вам уроком! Искренне желаю вам удачи и шлю свой пламенный привет! Салют!

Закончив тираду, он дважды ударил кулаком в грудь. Глухой стук через динамики разнесся по всему плацу.

Завуч по воспитательной работе кривился от каждого слова, но, видя, что обошлось без открытого бунта, облегченно выдохнул и поспешил выпроводить этого шута со сцены.

Впрочем, представление удалось на славу. Благодаря невероятной общительности в школе № 8 Юй Шаочуня знали практически все учителя. О проделках Ло Цюде давно ходили слухи, вызывавшие у коллег глухое недовольство, поэтому тонкий сарказм, завуалированный под раскаяние, вызвал у педагогов неожиданное одобрение. Кое-кто в задних рядах даже тихонько прыснул.

Юй Шаочунь легко сбегал по ступеням трибуны, сияя от удовольствия. Поравнявшись с Фэн Чжоу, он ободряюще хлопнул его по плечу:

— Моя смена окончена. Давай, отличник, жги!

Фэн Чжоу с мертвенно-бледным лицом и застывшей, вымученной мимикой двинулся вверх. Глядя на его окаменевшую спину и тяжелую поступь, Юй Шаочунь на миг засомневался: а на трибуну ли идет парень или прямо на эшафот под топор палача?

Фэн Чжоу замер перед микрофоном и поднял глаза. Перед ним раскинулось бескрайнее море из сотен человеческих голов. Хуже всего было то, что многие не просто стояли, а выжидающе смотрели прямо на него.

Фэн Чжоу приоткрыл рот:

— Я...

Аппаратура отозвалась противным высокочастотным писком, но слов было не разобрать. Он судорожно сглотнул, прочистил горло и попробовал снова:

— Сегодня я...

Голос прозвучал глухо, почти неслышно.

Завуч бросил взгляд на часы. Из-за длинного бенефиса Юй Шаочуня линейка затягивалась, поэтому он недовольно шепнул под руку:

— Давай быстрее, читай уже.

Фэн Чжоу сделал судорожный вдох. Пальцы, сжимавшие листок, задрожали мелкой дрожью. Все тело мгновенно взмокло от пота, хотя ладони и ступни сделались ледяными, как у покойника. Он замер, боясь пошевелиться, чтобы не вызвать лишних смешков или шепотков. Чтобы спастись, он опустил глаза, но тут же почувствовал, как земля уходит из-под ног, а голова идет кругом. Сердце колотилось в ушах сумасшедшим набатом, готовое вот-вот пробить ребра.

Он простоял так несколько секунд, пока в пересохшем горле не вспыхнул нестерпимый, удушливый зуд, словно туда заползли сотни мелких насекомых. Из груди вырвался первый хриплый кашель, который тут же перерос в безудержный, выворачивающий наизнанку приступ. Воздуха критически не хватало. Собрав остатки воли, чтобы не опозориться окончательно и не упасть прямо здесь, Фэн Чжоу развернулся и, шатаясь, бросился вниз по ступеням.

Юй Шаочунь, ждавший его внизу, чтобы вместе вернуться в класс, похолодел от увиденного:

— Эй, ты чего? Что с тобой?

Фэн Чжоу лишь слабо махнул рукой и согнулся в мучительном позыве на рвоту. Стоявший рядом куратор из комитета комсомола засуетился:

— Быстро тащи его в медпункт! Что это с ним стряслось?

Юй Шаочунь, не раздумывая, подскочил к парню, закинул задыхающегося, содрогающегося от сухих спазмов Фэн Чжоу себе на спину и сломя голову помчался в сторону лазарета.

<http://bllate.org/book/19050/1933627>